

Крестоносцы

Книга первая

Генрик Сенкевич

КРЕСТОНОСЦЫ

КНИГА ПЕРВАЯ

ФТМ

УДК 82/821
ББК 84(2)

Перевод с польского Е. Егоровой

Сенкевич, Г.

Крестоносцы. Книга первая: Роман / Г. Сенкевич;
[пер. с польск. Е. Егорова]. – М. : Т8 RUGRAM / Агентство
ФТМ, 2020. – 530 с.

ISBN 978-5-521-74736-8

Польский писатель Генрик Сенкевич и его один из самых известных исторических романов «Крестоносцы», посвященный истории правления польского короля Ягайлы и времени объединения Польского государства, расколотого на сотни мелких враждующих друг с другом княжеств. В эти времена польский народ поднялся на общую битву не на жизнь, а на смерть с Тевтонским орденом крестоносцев, занимающимся разбоями и грабежом под прикрытием Креста Господня.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821
ББК 84(2)
BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-74736-8

© Т8 RUGRAM, 2020
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2020
© Перевод, Е. М. Егорова,
наследники, 2020

I

В Тынце, в корчме «Свирепый тур», принадлежавшей аббатству, сидела за столом кучка народу и слушала бывалого рыцаря, который вернулся из дальних стран и рассказывал теперь о том, в каких переделках довелось ему побывать на войне и в дороге.

Бородатый, плечистый, богатырского роста, в полном расцвете сил, рыцарь, однако, был очень худ; волосы у него были убраны под шитую бисером сетку; на кожаном кафтане отпечатались кольца панциря; за наборным поясом, сплошь из медных блях, торчал нож в роговых ножнах, на боку висел короткий дорожный меч.

Рядом с рыцарем сидел за столом длинноволосый юноша с веселым взглядом, видно, товарищ его или оруженосец, потому что и он был одет по-дорожному, в точно такой же помятый панцирем кожаный кафтан. Кроме них, за столом сидели двое шляхтичей из окрестностей Кракова да трое горожан в алых остроконечных

шапках, языки которых свешивались набок до самых локтей.

Хозяин корчмы, немец, в светло-желтом колпаке с зубчиками по нижнему краю, наливал гостям из жбана в глиняные кружки сыченное пиво и с любопытством прислушивался к рассказу о военных подвигах.

С еще большим любопытством слушали рыцаря горожане. В те времена ненависть, которая при Локотке¹ разделяла горожан и рыцарство, стала уже угасать, и горожанин не гнул так спину перед паном, как в позднейшие века. Пан еще ценил его готовность *ad concessionem rescuniarum*², и в корчмах нередко случалось видеть, как купцы запросто бражничали с шляхтой. На них взирали даже с некоторой благосклонностью, потому что денег у них всегда было побольше и они обычно платили за своих благородных сотрапезников.

Итак, сидели в корчме горожане с шляхтичами и вели беседу с рыцарем, время от времени подмигивая хозяину, чтобы тот наполнил кружки.

— Сколько свету видали вы, благородный рыцарь! — воскликнул один из купцов.

— Да, немногим из тех, что съезжаются сейчас отовсюду в Краков, привелось столько увидеть, — ответил приезжий рыцарь.

¹ Локеток — прозвище Владислава (ум. в 1333 г.), польского князя из династии Пястов, в результате длительной борьбы добившегося объединения основной территории Польши. В 1320 г. Владислав Локеток короновался в Кракове. Принятие Локетком королевского титула знаменовало воссоздание единого Польского государства.

² Платить наличными (*лат.*).

— И пропасть же народу туда съедется! — продолжал горожанин. — Великое торжество и великое ликование в королевстве. Толкуют, и, верно, не зря, будто король всю опочивальню королевы повелел покрыть парчой, шитой жемчугами, и ложе убрать таким же балдахинном. Игрища и ристалища будут, каких доселе не видывали.

— Кум Гамрот¹, не перебивайте рыцаря, — заметил другой купец.

— Да я, кум Айертретер¹, не перебиваю, я только думаю, рыцарю тоже любопытно узнать, что народ толкует, ведь и он, наверно, едет в Краков. Мы нынче все равно не успеем вернуться в город, потому что ворота запрут, а ночью вошь спать не дает, так что успеем наговориться.

— Вам слово, а вы десять. Стареее, кум Гамрот!

— Ну, штуку мокрого сукна я еще одной рукой подниму.

— Эва! Такого, что, как сито, насквозь светится.

Однако дальнейшие споры прервал странствующий рыцарь.

— Это верно, — сказал он, — что я останусь в Кракове, слышал я про ристалища и охотно попытаю на них свою силу, да и племянник мой тоже, хоть и юн годами и безус, а не одного панцирника поверг уже на землю.

Гости бросили взгляд на юношу, который весело улыбнулся и, заложив за уши длинные волосы, поднес к губам кружку пива.

¹ Тогдашние фамилии, вернее, прозвания. — *Примеч. авт.*

— Да и захотели бы мы вернуться, — прибавил старый рыцарь, — все равно некуда.

— Это как же так? — спросил один из шляхтичей. — Откуда же вы родом и как вас зовут?

— Меня зовут Мацько из Богданца, а это сын моего родного брата, зовут его Збышко. Герб наш Тупая Подкова, а клич Грады!

— Где же он, ваш Богданец?

— Эх, сударь, спросите лучше, где он был, потому что нет уж его. Еще во время войны Гжималитов с Наленчами¹ сожгли дотла наш Богданец, так что один только старый дом остался; все, что было, забрали, а слуги наши разбежались. Одна голая земля осталась, мужики, которые жили по соседству, и те ушли дальше в леса. Отстроились мы с братом, отцом этого хлопца, да на другой год вода все снесла. Потом брат умер, и остался я после его смерти один с сиротою. Подумал я тогда: нет, не усидеть мне здесь! А в ту пору народ толковал про войну, шла молва, будто Ясько из Олесницы, которого король Владислав² после Миколая из Москожова послал в Вильно, спешно набирает по всей Польше рыцарей. Отдал я землю в залог достойному аббату, нашему родичу, Янеку из

¹ Война Гжималитов с Наленчами – междоусобица феодалов Великой Польши в 1383 г., в период междуцарствия, предшествовавшего возведению на престол королевы Ядвиги.

² Король Владислав Ягайло (Ягелло) – великий князь Литвы с 1377 г., в результате соглашения, заключенного в Крево в 1385 г., стал мужем польской королевы Ядвиги и был возведен на польский престол под именем Владислава II. Стал родоначальником династии Ягеллонов, правившей в Польше и Литве до 1572 г.

Тульчи, купил на деньги доспехи, коней, снаря-
дился, как положено, в военный поход, посадил на
меринка парнишку, которому было в ту пору две-
надцать лет, и айда к Яську из Олесницы!

— С подростком?

— Да он в ту пору и подростком-то не был, но
крепкий был парнишка. Бывало, в двенадцать лет
упрет самострел в землю, прижмет животом да так
натянет тетиву рукоятью, что и англичанин — мы
их под Вильно видели — лучше не справится.

— Такой был сильный?

— Шлем за мною носил, а как стукнуло ему
тринадцать, так и щит стал носить.

— Немало довелось повоевать вам.

— Все из-за Витовта¹. Сидел князь у крестонос-
цев, и каждый год делали они набег на Литву под
Вильно. Разный народ шел с нами: немцы, фран-
цузы, англичане — они самые меткие лучники, —
чехи, швейцарцы, бургундцы. Рубили они леса,
замки по дороге строили, да всю Литву огнем по-
жгли, мечом посекали, так что весь народ, который
живет там, хотел покинуть родную землю и искать
другой, хоть на краю света, хоть среди детей Вели-
ала, только бы подальше от немцев.

— Да и мы тут слыхали, будто все литвины хо-
тели уйти с детьми и женами, но только не верили
этому.

¹ Витовт (ум. В 1430 г.) — двоюродный брат Ягайла, при под-
держке литовских феодалов, недовольных заключением унии с
Польшей, вел борьбу с Ягайлом. Король был вынужден согла-
ситься на передачу Витовту великого княжения в Литве при со-
хранении в измененной форме польско-литовской унии.

— А я сам все это видел. Эх, эх! Не будь Миколая из Москожова, Яська из Олесницы да, не в похвальбу сказать, нас вот с ним, не было бы уже и Вильно.

— Это мы знаем. Вы замка не сдали.

— Да, не сдали. Вы вот послушайте хорошенько, что я вам скажу, человек я служилый и в войне искусенный. Еще старики говаривали: «неукротимая Литва», — оно и верно! Ловко литвины дерутся, но не с рыцарями им в поле силами мериться. Вот когда кони немцев в трясине увязнут или лес дремучий кругом, ну, тогда дело другое.

— Немцы добрые рыцари! — воскликнули горожане.

— Они стеной стоят, плечом к плечу, и так собачьи дети закованы в железную броню, что сквозь забрало одни глаза только и видно. И лавой валят. Ударят, бывало, на них литвины и рассыплются кто куда как песок, а нет, так немцы сомнут их и растопчут. Не одни у крестоносцев немцы, — сколько есть народов на земле, все у них служат. Ну и храбрецы! Пригнется это рыцарь к луке, наставит копье и перед битвой один ринется на целое войско, как ястреб на стадо.

— Господи! — воскликнул Гамрот. — А которые ж из них лучше всех?

— Это смотря по оружию. Из самострела лучше всех англичанин стреляет, он панцирь стрелой навывлет пробьет, а в голубя попадет на сто шагов. Чехи страх как секирами рубятся. Что до двуручного меча, так тут немец никому не уступит. Швейцарец железным чеканом легко расколает